

Юрий Александрович Пустовойт

*Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
✉ pustovoit1963@gmail.com*

DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-196-202

ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СИСТЕМЫ IQBUZZ (ОПЫТ АНАЛИЗА ЗИМНИХ ПРОТЕСТОВ В ГОРОДАХ СИБИРИ) *

Кто я и на своем ли я месте? Поиски и формулировка коллективного и персонального ответа на этот вопрос и выступают решением проблемы идентичности. В традиционном обществе ответ уже predetermined групповой принадлежностью на основании обычных критериев — пола, расы и класса. Сейчас вследствие усложнения картины мира ее множественности и текучести индивиду приходится постоянно для снятия внутреннего напряжения конструировать собственную персональную идентичность. Обычно это происходит через создание собственных биографических нарративов и материализуется через различные формы интернет-коммуникаций. Страничка в социальных сетях и ее изменения выступают основным «представлением себя другим в повседневной жизни». Относя себя к одной группе «своих», индивид автоматически обозначает и группу «других», «чужих», «лишних», «врагов». Проблема смены идентичности, с одной

© Ю. А. Пустовойт, 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления — филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Семья и дело. Образы семьи, дружбы и работы в жизненных стратегиях советских и постсоветских поколений сибирского мегаполиса».

стороны, позволяет легко перемещаться между различными группами, быть космополитом, с другой, вносит некоторую драматичность в ежедневное существование, так как выполнение любой социальной роли полностью и плотно не задействует весь личностный потенциал. Но, на наш взгляд, есть параметр, изменение которого невозможно, точнее, можно в психологическом или социальном плане ему не соответствовать, но тем не менее он на протяжении всей жизни остается с нами — это возраст или принадлежность к определенной возрастной когорте (поколению). Как и эмоциональное состояние, смена внутреннего возраста может быть наигранной и ложной, но сам индивид точно знает, что он испытывает.

Какое место занимает поколенческая идентичность в системе идентичностей индивида?

Какие социально-психологические характеристики выступают маркерами различных поколений?

В каких поведенческих формах они найдут свое проявление и в каких общественных сферах эти проявления будут наиболее заметными?

В целом сторонники поколенческого подхода выделяют три критерия границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Значимой признана идея смены циклов поколений: полный оборот занимает около 80 лет и отмечен сменой кризиса, в момент которого формируются ценности консенсуса, влияния институтов, идеалов самопожертвования и подъема, где главным становится этика самореализации и индивидуализм, что выражается в требованиях смены ригидных норм [Howe, Neil, 2000]. На этом этапе исследования мы сосредотачиваемся на советском и постсоветском поколениях (здесь большинство российских авторов ставит нижнюю границу миллениалов 1982 г. р.) [Радаев, 2019; Левада, 2006. С. 8–9].

Результаты наших исследований в сибирских городах не претендуют на завершенность и, скорее, обозначают некоторые сходства

и различия в видении политических и социальных проблем представителями различных поколений. Эмпирическую базу составляют: сравнение новогодних обращений к населению политиков и лидеров, относящихся к разным возрастным когортам, сравнительный анализ онлайн-дискуссий в митингах начала 2021 г., материалы фокус-групп (г. Новосибирск) по изменению значений и приоритетности универсальных жизненных проблем.

В первом случае мы собрали и сопоставили между собой новогодние обращения и выложенные в Интернет фото политиков в сибирских городах: Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Новокузнецке, Абакане. Эти города рассматриваются нами как «естественные лаборатории», с одной стороны, отражающие политические процессы на федеральном уровне, с другой, они отличаются собственной локальной спецификой, связанной со структурой экономики, уровнем комфорта и потребления, перспективами для молодежи, городскими режимами и протестной активностью. Методологические принципы исследования строились на принципах «обоснованной теории» А. Страусса и Дж. Корбина, что подразумевало разбивку полученных данных на отдельные части с последующим сравнением по сходствам и различиям каждого случая. Подобные события маркируют и группируют, чтобы сформировать категории [Страусс, Корбин, 2007]. Изображение интерпретировалось в русле визуальной социологии и анализа фотоизображений П. Штомпкой [Штомпка, 2006] с использованием набора оптик и инструментов. Главный вопрос был сформулирован в духе Р. Барта: «Какой миф стоит за изображением?».

Во втором случае мы изучали реальный политический конфликт (призыв лидера оппозиции А. Навального выйти на улицы 23 января) в онлайн- и офлайн-среде. Мы воспользовались поисковой машиной IQBuzz, созданной для отслеживания репутации в Интернете. Система проводила мониторинг социальных медиа по заданному поисковому запросу за выбранный период с 20 по 26 января 2021 г. (три дня —

до митинга, три — после) на русском языке по России и сибирским городам. Машина автоматически определяла тональность собранных материалов, но поставленные ей оценки требовали ручной корректировки. Отнесение сообщения к негативному или позитивному не означает отрицательной или положительной оценки мероприятия, личности, политика и т. д., так как система просто определяет общий эмоциональный настрой автора, но обычно не указывает объект этого настроения. Тем не менее она позволяет делать некоторые выводы по соотношению позитивных и негативных сообщений. На этом этапе мы выделили пики дискуссий, то есть день и время, когда проходило основное обсуждение, и определяли в эти дни основные социально-демографические характеристики их участников. Для нас здесь важен возраст, в системе он не совпадает с границами поколений, но дает некоторое представление о том, как реагируют различные возрастные когорты на сообщения.

В-третьих, мы провели шесть пилотажных фокус-групп с представителями разных поколений. Исследование было построено вокруг значимых в жизни каждого человека трех категорий (семьи, дружбы и работы), чтобы выяснить место и значение эмоциональных, социальных связей и профессионального становления в жизненных планах различных поколений.

Общий вывод: конструирование политических отношений, в первую очередь, строится на основе места в системе власти, специфики региона и только потом на основе принадлежности к тому или иному поколению. На этом этапе исследования мы утверждаем, что в политической сфере поколенческая идентичность представляет собой скорее стиль саморепрезентации, чем моральный или идеологический выбор. Чем младше возраст, тем больше будет акцент на «Я» и собственном выборе, индивидуализме, эмоциях, эмпатии, аутентичности.

Например, в новогодних обращениях (2020–2021 гг.) политиков к населению в городах Сибири образы власти, предлагаемые фор-

мальными и неформальными лидерами разных поколений, заметно различаются в зависимости от региона и официального статуса.

Для старших возрастов, например, уверенность в будущем и оптимизм достигается за счет повторения фраз о победах в прошлом и перечисления некоторых желательных эмоций и коллективных трудовых достижений. Здесь выставляемые и тиражируемые фотографии политиков — это истории предельно индивидуального (даже не семейного) успеха в достижении власти и высокого уровня благосостояния. На подавляющем большинстве фото герой в галстук в статусной одежде, обычно в окружении символов власти. Вербальный текст сообщения не соответствует смыслу визуальных образов.

У молодых политиков тема обращений сосредоточена на настоящем. Здесь (характерно, в первую очередь, для оппозиции) в фокусе внимания — разрыв между желаемым и происходящим, что снимает необходимость точной артикуляции будущего, проговаривание испытываемых эмоций. Локализация материальных проблем служит стимулом для объединения и участия в коллективных мероприятиях. Визуальный ряд соответствует вербальному, декларированные идеи и ценности отражены в фотосюжетах, в которых подчеркивается индивидуализм, свобода, спонтанность, диалог.

Анализ сообщений по теме «23 января» показывает, что они имеют некоторое мобилизующее значение, чем их больше, тем больше участников мероприятий. Самое большое количество текстов приходится на Новосибирск и Барнаул, где было наибольшее число участников протеста. В каждом городе в онлайн-обсуждениях доминировали противники митинга (возможно, сторонники не улавливались системой), и в каждом регионе в фокусе внимания была своя группа обсуждаемых проблем. В Новосибирске и Томске доминировала агрессивная и уничижительная критика, направленная против сторонников митинга, немного разбавленная депутатскими постами с пафосной аргументацией. В Кемеровской области 23 января прошло под условным лозунгом «защитим детей», и все усилия адми-

нистрации и ее сторонников в цифровой среде были направлены на предотвращение гипотетического детского бунта. В Абакане старшая возрастная категория «устыжала» и осуждала лидера оппозиции как нарушителя спокойствия, агента воображаемого Запада и т. д. В Барнауле критика протестующих велась в основном из классовых, марксистских позиций.

В данных мы не нашли какого-либо разлома между поколением и формирования какого-либо нового специфического политического поведения у миллениалов. На этом этапе мы не обнаружили каких-то политических проблем, которые определяют специфику поколения и не интересны или не привлекают внимания других возрастных групп. Нет и тех или иных ценностей или идеологических конструктов, которые служат границами между поколениями. По нашим данным, во всех возрастных когортах присутствуют носители либеральных, националистических и коммунистических взглядов. Материалы «23 января» показывают, что основной символический конфликт проходит между «властными» и «провластными» сообществами, имеющими конкурентные коллективные и индивидуальные преимущества в рамках официальной политики, и теми, кто их не имеет («несистемной оппозицией»). «Разлом» как отказ от коммуникации и полное неприятие оппонента проходит, скорее, внутри каждого поколения между ровесниками, часть которых включена в официальную политическую систему, и той частью, которая действует в политическом поле самостоятельно.

Материалы фокус-групп, обработанные на этом исследовательском этапе, также говорят, скорее, о поддержке сложившегося культурного тренда, чем формировании каких-то принципиально других ценностей. Больше значимо уважение к выбору индивидуального ответа на личностный вызов и стремление отделять свою жизнь от жизни других. Устойчивый поведенческий мем — фраза «твои проблемы», то есть не мои, решай сам, совершенствуйся. Значима только та работа, которая сочетает успех и удовольствие. Пожалуй, это самое

большое различие, так как для старших поколений жизнь — долг, который надо выплачивать страданием, а материальный успех и любимое дело практически несовместимы. Семья имеет значение, сексуальное разнообразие не осуждается, но и не выпячивается, не выносится на первый план. ЛГБТ-тема как проблема, скорее, — фобии старших, чем поведенческий тренд младших поколений. Комплекс политических вопросов, если он спонтанно возникает, конструируется так же, как и некоторое противостояние с «воображаемым Западом». В целом, пока мы видим общий «родительский» набор идеалов, имеющий некоторые специфические черты, обусловленные расширением культурных границ, цифровизацией повседневности и повышением уровня коммуникационных компетенций.

Литература

Левада Ю. А. Ищем человека // в кн.: Социологические очерки 2000–2005. М. : Новое издательство, 2006. 384 с.

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. Litres, 2020. 224 с.

Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования. М. : Эдиториал УРСС, 2007. 132 с.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М., 2007. 231 с.

Strauss W., Howe N. Millennials rising: The next great generation. New York : Vintage Books, 2000. – 432 p.